

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Какова цена эмбарго для экспортеров, сельского хозяйства и государства в целом? На этот вопрос отвечал на пресс-завтраке президент Российского зернового союза **Аркадий Злочевский**:

Когда эмбарго вводилось, мы рассчитывали, что цена его будет 5—10 долл., то есть столько мы потеряем в результате ухода с мирового рынка с каждой тонны. Оказалось, что такой вывод был чрезмерно оптимистичным. Минимальная его стоимость сейчас на 20—30 долл. ниже, чем у конкурентов, а то и до 50, а до такой низкой демпинговой цены наш рынок падать не готов. Поэтому экспорт, несмотря на то что он сегодня открыт, крайне неактивен. Программы экспортеров — упали в два с лишним раза. И если сумеет за июль вывезти 1,5—1,6 млн т, это будет большая победа.

Я уж не говорю о том, что нам придется расплачиваться за эмбарго уже в текущих операциях, потому что сразу после объявления о его снятии экспортеры начали прорабатывать стоимость перевалки и других логистических услуг. Вся экспортная логистика почти год простояла и была вынуждена оплачивать не только издержки, которые принесло само эмбарго, но и издержки по содержанию всей логистической инфраструктуры. И сейчас все эти издержки ложатся в ставки, а ставки не из кармана экспортеров, они из кармана крестьян, потому что внутренний рынок привязан к мировому, на который мы повлиять не можем, а там, к сожалению, очень негативно оценивают наш возврат. То есть рынок падает и падает очень динамично. Только стоимость перевалки выросла в Новороссийске на 7 долл. с тонны. Это значит, что их мы должны извлечь из внутренней цены, в привязке к мировой, по которой покупают экспортеры у крестьян, и, значит, крестьяне потеряют их. Это только стоимость перевалки. А транспортировка, а сюрвейерские услуги со своей инфраструктурой...? И все это коснется кармана крестьян, производивших зерно.

Сколько лет мы боролись за внешние рынки! Закрепились там с 2002 г. В 2007/08 г. мы уже начали оценивать их как собственные рынки сбыта. И Египет как крупнейший потребитель отечественной пшеницы уже закупал почти 70% из всех объемов закупок зерна в России. То есть то, что семь лет делалось, за семь месяцев было разрушено, уступлено США, которые заинтересованы в сохранении этого рынка сбыта. Нам надо будет пробиваться. У нас только один инструмент остается для того, чтобы пробиться, поскольку помощи со стороны государства в продвижении зерна нет в отличие от США. И политический инструмент не задействован, и субсидий нет, то есть нет мощных инструментов продвижения, значит, единственный шанс вернуться — это демпинг, что крайне невыгодно. Демпинг 2002 г. был возможен, и для крестьян он безболезненно прошел, потому что тогда мы не были сообщающимся сосудом с мировым рынком. Наше ценообразование формировалось внутри России. Сейчас такого нет. Куда двигаться? А мировой рынок ждет, говоря нам: «20—30 долл. долой с цены, иначе ваше зерно будет невостребовано. Мы не будем покупать по тем же ценам, по которым покупаем у американцев, французов и других». А где их взять? Другого источника, кроме как карман крестьянина, нет. От эмбарго потеряли все отрасли сельского хозяйства, а не только зерновика. Мы примерно

посчитали, во что обошлось зерновому хозяйству страны эмбарго, и для нас самих цифра оказалась неожиданной — 114 млрд руб. А вот животноводы благодаря поддержке государства выиграли, хотя не так много, как ожидалось. Потери огромные на самом деле. Хорошо было бы, если бы государство также вложилось в зерновую отрасль, как в животноводство.

Эмбарго, объявленное правительством в августе прошлого года в связи с аномальной засухой, спасло отечественный рынок от необратимых последствий, своевременная отмена запрета — важная мера поддержки аграриев — это мнение высказал президент Национального союза зернопроизводителей **Павел Скурихин** в интервью «Файл-РФ».

Основная функция государственного регулирования — соблюдение баланса между участниками отрасли. Эмбарго позволило сдержать рост цен на зерно, на другие продукты. Поскольку зерно — важный кормовой ресурс, фактически за счет зернопроизводителей было просубсидировано животноводство. Тактически, конечно, это для зерновиков было невыгодно, но в стратегическом плане мы понимали, что заинтересованы в сохранении поголовья стада, а значит, и объемов потребления кормового зерна. В этом году симметричной мерой господдержки стала своевременная отмена запрета на экспорт.

Мы предлагали отменить эмбарго на экспорт зерновых из Сибири досрочно. Здесь ситуация особая. В остальной части России есть или хорошо развитое животноводство, или прямые выходы к экспортным каналам. В Сибири с ежегодным зерновым профицитом ничего подобного нет. Производство, у которого серьезный потенциал роста, заперто логистически, что фактически лишает аграриев стимула развиваться. Именно поэтому вопрос вывода сибирского зерна на внешние рынки стратегически важен.

Пока мы сделали первые шаги в контейнерных перевозках в Юго-Восточную Азию. Для масштабного экспорта необходим специализированный портовый терминал. Но минимальная пропускная способность, при которой его целесообразно строить — миллион тонн в год. Вот почему мы ждем, когда Правительство заявит о твердом намерении сохранить экспорт зерновых в страны Юго-Восточной Азии на долгую перспективу, пускай и в ограниченном объеме. Главное, чтобы он был достаточным для окупаемости вложений в логистическую инфраструктуру.

Последние три года были трудными для аграриев — банковский кризис, падение цен на зерно ниже себестоимости, засуха в прошлом году. На съезде Российского аграрного движения Владимир Путин выразил уверенность, что наши сельхозтоваропроизводители восстановят и укрепят свои позиции, а государство им поможет. Последствия этих лет сказываются не только на производителях зерна. Сегодня общая задолженность предприятий АПК по привлеченным кредитам превысила полтора триллиона рублей. Выступая на съезде РАД, я как член Центрального совета движения предложил включить в план работы организации решение проблемы закрепитиванности сельхозпроизводителей.

Виды на урожай: посевная прошла хорошо, но свои проблемы есть в каждом из регионов. Где-то сельхозпроизводители столкнулись с низкими температурами, где-то с засухой. Но они сделали все возможное для того, чтобы валовой сбор зерна составил не менее 85—90 млн т.